

Ева Лукашик

ПРОЕКТ ТРАНСКУЛЬТУРНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК – ГЕОМЕТРИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ВСТРЕЧИ

В 1980 году Чеслав Милош написал стихотворение «Rue Descartes»¹, которое было отражением как личных переживаний, опыта поколения, так и универсального опыта «молодого варвара», который прибывает в «столицу мира», центр, потрясающий не только материальным величием, но прежде всего, интеллектуальной утонченностью. Появляющаяся в стихотворении парижская улица Декарта является одновременно местом-символом современности и ее верховной, интеллектуальной инстанции, которая должна быть повсеместной, но – на удивление – получает определенную локализацию, ее самореализация в центре ста-

¹ Było nas wielu, z Jass i Koloszwaru,
Wilna i Bukaresztu, Sajgonu i Marakesz,
Wstydliwie pamiętających domowe zwyczaje
O których nie należało mówić tu nikomu:
Kłaśnięcie na służbę, nadbiegają dziewczki bose,
Dzielenie pokarmów z inkantacjami,
Chóralne modły odprawiane przez panów i czeladź.

Czesław Miłosz. Wiersze. T. 2. Kraków, 1987. S. 363–364. Все появляющиеся в анализе цитаты взяты отсюда. Перевод: Британишский В. Родимое и вселенское в творчестве Чеслава Милоша [Электронный ресурс] // Старое литературное обозрение. 2001. №1 (277). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/brit1.html>.

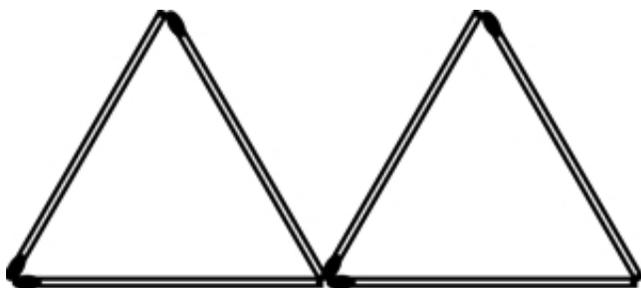
новится более полной и совершенной чем на окраинах, откуда прибывают «варвары», к которым лирический герой стихотворения причисляет себя:

Было нас много, из Ясс и Коложвара,
Вильно и Бухареста, Сайгона и Марракеша,
Со стыдом вспоминавших родимую старину,
В которой нельзя было здесь никому признаться:
Хлопок в ладоши, сбегается дворня, босые девки,
Произношение заклинаний при делении пищи,
Молитвы хором господ и дворовых вместе.

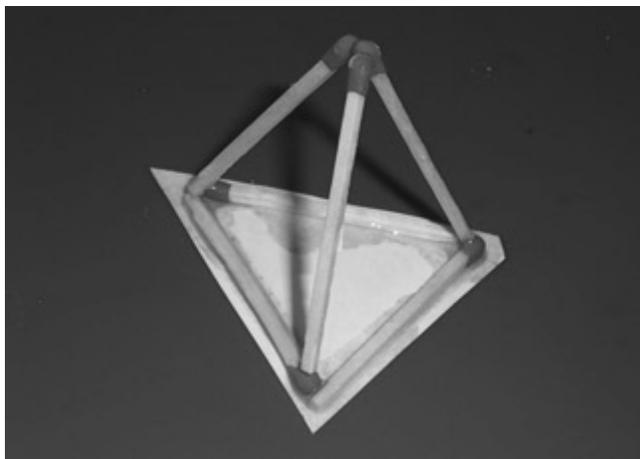
Все перечисленные Милошем периферийные места можно считать мультикультурным пограничьем. К нему, несомненно, относится Коложвар в Седмиградье, город Клуж-Напока, бывший Клаудиополис. Он появляется в стихотворении под своим венгерским названием Коложвар, хотя вполне мог бы фигурировать как немецкий Клаузенбург. На пограничье находится родное, польско-литовское Вильно Милоша, но также и Маракеш, город на южной границе Средиземноморья, определяющий *limes* также в истории арабо-мусульманской цивилизации, где заканчивалась сфера воздействия Аль-Андалус, и начинался суровый мир сахарских рибатов. Более того, оказывается, что эти весьма разные, казалось бы, далекие друг от друга пограничные миры имеют общий пункт, расположенный в специфическом пространстве, которое определяет парижская улица Декарта. Происходит встреча, которая, если посмотреть на плоскую поверхность карты, казалась бы невозможной, вышеназванные города расположены в разных культурных орбитах, у которых нет точек пересечения. Для их встречи необходимо, следовательно, установить совершенно новую топологию, исходя из предпосылки, что существует пространство, отличное от пространства карты, новое измерение, в котором могут происходить такие

встречи, а культурные орбиты могут иметь точки пересечения.

Простая математическая головоломка позволяет проиллюстрировать смысл замеченной Милошем перемены. Невозможная встреча разных пограничных сфер, разъединенных на плоскости карты, становится возможной лишь только, если допустить существование третьего измерения – реальность которого нам так хорошо известна, но о котором мы забываем, концентрируясь на ограничивающих плоскостях стола, листа бумаги, карты. А значит, можно ли шесть спичек расположить таким образом, чтобы из двух треугольников сделать четыре?

Может показаться, что для того, чтобы получить четыре треугольника, число спичек должно увеличиться. Но решение головоломки оказывается очень простым, если мы переходим на более высокий уровень пространственного измерения. Каждая из спичек может быть стороной более чем одного треугольника, функционировать по-новому, более разнообразно. Решение этой типовой задачи прокладывает путь к мышлению в новых категориях, которое позволяет переломить множество невозможных вещей, создает место для новых видов мышления и действия.

Появление улицы Декарта, общего пункта пограничных сфер возможно лишь в новом измерении, выходящем за пределы плоской карты, на которой пограничные сферы разделены и удалены друг от друга. Но последствия произошедшей таким образом встречи оказываются неполными. Представители сфер пограничья до такой степени погружены в смыслы и ценности «столицы мира», что едва замечают друг друга. Не говоря никому о «домашних обычаях», они оказываются запертыми в сферах стыдливой памяти, обреченными на культурную робость и немоту. А значит, не видит и не слышит их также сама «столица мира», «горловым смехом отзываясь в темноте, / Выпекая длинные хлеба и в глиняные кувшины наливая вино».²

Роман с мнимой универсальностью, который развивается в этой столице, слепой к истинной сложности мира, заканчивается лобовым столкновением пограничных сфер и их «домашних обычаев» с картезианской современностью: «Впоследствии многие из Ясс или Коложвара, Сайгона, Марракеша, / Были убиты,

² «gardłowym śmiechem odzywając się w ciemności, / Wypiekając długie chleby i w gliniane dzbanki nalewając wino».

поскольку хотели свергнуть свою старину./Впоследствии их коллеги захватывали власть,/Чтобы во имя прекрасных универсальных идей убивать»³...

Но это еще не конец урока истории, который дает лирический герой Милоша, переживающий, после возвращения из «странствий по подземным странам» видения блистающего, вращающегося «колеса времен года». Беспрестанные изменения, происходящие «там, где империи пали, а те, что жили, умерли»⁴, приводят к новому состоянию: «нет уже здесь и нигде столицы мира»⁵.

Что же происходит в этой ситуации с универсальными ценностями? Поэма Милоша не дает ясного ответа на этот вопрос, заканчиваясь загадочным фрагментом, который на первый взгляд не связан с нарисованной ранее ситуацией лирического героя, который прибывает из периферии в центр: А из тяжких моих грехов один отчетливо помню: / Однажды, идя по тропе над лесным протоком, / Я сбросил камень на водяного ужа, свернувшегося в траве./ И что случилось в жизни со мной, было заслуженной карой,/ Которая раньше или позже наступит нарушившего запрет⁶.

Можно, однако, прочесть эту ситуацию трансгрессии, нарушения извечного запрета как способ указать на настоящую всеобщность, отличную от иллюзии «прекрасных универсальных идей», центром которых была слепая и глухая к миру «столица». Не ее ценности, а изначальный запрет причинять вред ужу отсылает к сфере аутентичных универсалий.

³ «Następnie wielu z Jass i Koloszwaru, albo Sajgonu, albo Marakesz / Było zabijanych ponieważ chcieli obalić domowe zwyczaje. / Następnie ich koledzy zdobywali władzę / Żeby zabijać w imię pięknych idei uniwersalnych».

⁴ «tam gdzie upadły imperia, a ci co żyli, umarli»

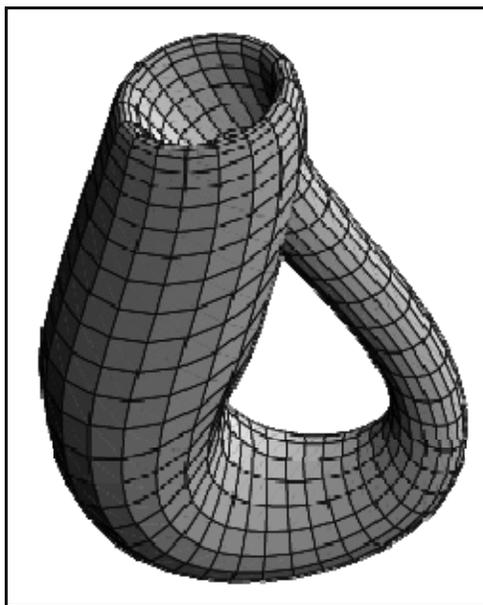
⁵ «nie ma już tu i nigdzie stolicy świata»

⁶ «A z ciężkich mych grzechów jeden najlepiej pamiętam: / Jak przechodząc raz leśną ścieżką nad potokiem / Zrzuciłem duży kamień na wodnego węża zwiniętego w trawie».

Сегодня, по прошествии более тридцати лет с момента написания Милошем стихотворения «*Rue Descartes*», несомненно, любого рода миграции из сферы пограничья стали еще более обыденными, чем ранее, и именно эта повсеместность оставляет все меньше места для комплексов, для смущенности памятью о «домашних обычаях», которые уравнились в правах с обычаями «столицы мира». Все участники глобального культурного пространства находятся, некоторым образом, в схожем положении. Те, которые приходят из бывшего центра, должны тоже найти в себе какую-то внутреннюю периферийность, дающую шанс роста. Увеличилась поглощаемость, потребность в новом и непохожем, которое привносят пограничья, поскольку «столицы мира», как минимум, частично, начали осознавать собственную слепоту и глухоту. Но по-прежнему остается вопрос: с чем мы приходим? Что мы можем предложить? И зачастую выходят наружу бессилие и беспомощность, возникающие из-за неспособности плавно влиться в действующие дискурсы, неспособность овладеть тем искусством, которое представляют люди из центра. Вопрос, как это преломить, в значительной мере сохраняет свою актуальность.

Стихотворение Милоша является хорошей отправной точкой, чтобы поставить вопрос о том, как периферийные культуры могут заявить о себе, того самого «с чем приходят и что могут привнести», с которым сталкивались поколения милошевских людей «из Яс и Коложвара». Они «приближались к универсальному, поражаясь, пылая жаждой», но не могли дать удовлетворительный ответ на вопрос, что же они могут дать взамен. Казалось, что «столица» самодостаточна, что ей ничто более не нужно и ничто, кроме нее самой, ее особо не интересует. С 1980 года, когда Милош написал свое стихотворение, отношения между цивилизационными центрами и перифериями, а также проходящими из них людьми, претерпели радикальные

изменения. Сама оппозиция центр – периферия (что, впрочем, предчувствовал Милош) исчезла. Более того, развилось еще одно, четвертое измерение глобального пространства, которое сложное представить наглядно с помощью головоломки со спичками. Образовалась еще более сложная геометрия мировой системы, разворачивающаяся в большем количестве пространственных измерений, аналогию для которой стоило бы искать, например, в топологических трансформациях, таких как поверхность («бутылка»), представляющая собой развитие одноплоскостной, хоть и погруженной в трехмерное пространство ленты Мёбиуса. Если мы сможем рассмотреть бутылку Клейна только в трех пространственных измерениях, кажется, что ее горлышко пересекает поверхность выпуклой части:

Однако, как уверяют топологи, в четырехмерном пространстве данная трансформация ленты Мёбиуса может пройти беспрепятственно, горлышко бутылки

без проблем попадает в стенку. Обычному воображению, как правило, не по силам это абстрактное математическое явление, но именно парадоксально искривленное, плавно перетекающее само в себя пространство пытается уловить и использовать как аналогию Петер Слотердаjk в своих вдохновенных топологией опытах «философии глобализации»⁷. Они являются отправной точной для моих рассуждений. Но вместо того, чтобы пересказывать здесь детали данной концепции, я хотела бы подвести этот «топологический» образ мышления под судьбы культур в колониальном, постколониальном и глобализованном мире. Здесь возможен выход на метафору пространственного изменения более высокого уровня.

Традиционные культуры («native cultures») существуют как бы только в одном пространственном изменении. Они существуют в локальном, «местном», «туземном», т.е. «существующем тут», бытующем в кругозоре этого «тут», в ограниченной лишь степени учитывающем внешние территории, разнообразие мест, расположенных «там». Для многих, а именно для большинства из них переход к двумерному пространству носил характер травмы, связанной с колонизацией. Ведь именно империя создавала первую карту – двумерное пространство географической длины и широты, с которыми «местная» культура могла сейчас вступить в контакт, но не самостоятельно и не автономно, а под имперским патронатом. Зарождение трехмерного пространства, в свою очередь, наступает с приходом постколониализма. Лишь сейчас «местная» культура может находить общие точки с другими периферийными территориями, находить сходства собственного положения с другими и вступать в непосредственный

⁷ Ср.: Sloterdijk Peter. Sphären I – Blasen, Mikrosphärologie. Frankfurt-am-Main, 1998; Его же. Sphären II – Globen, Makrosphärologie. Frankfurt-am-Main, 1999.

контакт с центральными зонами, различными «столицами мира» уже без посредничества империи. Может существовать и перемещаться в мире относительно автономно.

Другими словами, для перехода от карты с перифериями к новой геометрии встречи, пусть даже такой неполной и несовершенной, как Милош показал в своем стихотворении, требуется третье измерение, переход от плоской геометрии к склеиванию грани многогранника. Это склеивание умножает точки контакта, создает не существующие ранее края стыка, в конце концов, позволяет беспрепятственно обойти центры – посредники, без которых невозможно было обойтись в прежней плоской геометрии. Как раз в такой, трехмерной, геометрии функционирует в настоящее время проект «Дрейфующая идентичность». Была создана сеть транспограничной коммуникации, соединяющей территории, удаленные друг от друга, но соединенные своеобразным сходством исторических судеб. Это уже само по себе ценное явление, и в то же время – необходимый этап. Но отнюдь не заключительный. Транспограничная коммуникация, в том виде, в котором она была реализована, означает возможность заявить о себе в определенном широком, но по-прежнему закрытом домене, за пределы которого не удастся выйти. Применение постколониальных категорий к положению евроазиатских стран, на которое натолкнула книга Эвы Топмсон⁸, было существенным шагом, сопряженным, однако, с определенными опасностями, поскольку достижение постколониального сознания означает по-прежнему ограниченную жизнь, вращающуюся по замкнутой орбите, в центре которой находится бывшая метрополия, даже если она должна быть адресатом постколониальной «возвратной

⁸ Ср.: Thompson E. Imperial Knowledge. Russian Literature and Colonialism. Westport, 2000.

посылки»⁹. По-прежнему культурные дискурсы, даже в форме сведения счетов, вращаются вокруг прежнего центра и обусловлены им. Поэтому постколониализм не может считаться целевым и окончательным состоянием, а лишь этапом и определенным состоянием развития культуры, которые необходимо преодолеть. А значит, вырисовывается задача преодоления трехмерной модели существования культур, обрекающей их на те неудобства, о которых в синтетической форме сказал Милош в своем стихотворении. Лишь переход к четырехмерному глобальному пространству Слотердайка может означать полный контакт и полное участие.

Если я могу отнести это абстрактное умозаключение к реалиям проекта «Дрейфующая идентичность», в этом месте следует отметить, что существование в трехмерном пространстве (в трех пространственных измерениях) – это жизнь, ограниченная сферой русского языка, делающего возможным определенные встречи, но одновременно закрывающего перспективу иного рода встреч. Язык устанавливает сферу коммуникации, допуская в нее некоторых собеседников, некоторых же, наоборот, исключая. Возможно, разные языки напрямую приписаны к тем абстрактным измерениям культурного пространства, которые я набросала в данной статье. Третье измерение, т.е. измерение четырехгранника из спичек, является измерением сверхлокальных языков, но еще не вполне универсальных, таких как русский язык для Евразии или испанский для южноамериканского континента. Предполагаю, что для того, чтобы заявить о себе в четырехмерном глобальном пространстве и стать открытым для встреч, которые возможны только в этом пространстве, необходимо пользоваться всеобщим языком, каковым в существующих условиях

⁹ Я использую здесь известную метафору из работы: Bill Ashcroft, Gareth Griffiths, Helen Tiffin. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literature*, London – New York, 1989.

является только английский. Это те реалии, которыми невозможно пренебречь и которых нельзя избежать.

Четвертое измерение культурного пространства сопряжено с повсеместной коммуникацией в «плотной сети», т.е. такой, где все общаются со всеми. Таким образом, отдельная культура представляет собой центр собственной, обширной и сложной системы связей и воздействий. Это уже не диалог с привилегированным партнером или даже несколькими партнерами, как это имело место на постколониальном этапе. Число культурных партнеров сейчас значительно выше, различаются также способы воздействия и «темы», затрагиваемые в этих межкультурных диалогах. Они не ограничиваются ни сведением счетов, ни дискуссией об «общих делах», но поднимают действительно важные и существенные для всех вопросы. А поскольку именно способность к дискуссии о принципиальных вопросах в полном смысле определяет центр, эту «улицу Декарта» из стихотворения Милоша, именно на этом этапе периферийные зоны могут устанавливать и углублять свою собственную «центральность», которая представляет собой своеобразное ментальное состояние, противопоставляемое провинциальности либо погруженности в локальные проблемы. Это определяет совершенно новый уровень культурного существования.

Какое отношение имеет описанная мною геометрия культурного пространства к развитию гуманитарных наук? Прежде можно было часто услышать мнение, что центры производят теории, а перифериям остается «живописное изучение случаев», в любом случае занимающее вторичное и зависимое от созданной в «столице» теории положение. Следствием понимаемых таким образом гуманитарных наук была ситуация представителя пограничья, прибывающего в «столицу мира» в роли варвара, а следовательно, человека, слабо ориентирующегося в действующих дискурсах, которому нелегко решиться высказать свое мнение. Считая

свое подчиненное, маргинальное положение отправной точкой, он задумывается над тем, какое новаторское содержание он мог бы предложить центру, чтобы получить в нем своего рода право на гражданство. Однако зачастую это новаторство, и что должно из этого следовать – признание полных гражданских прав, не наступает или не получает ожидаемого признания. Не удивительно, ведь город глух, занят разливанием вина в свои старые «глиняные кувшины», которые он вовсе не жаждет заменить новыми, привезенными из далекого пограничья. Подобная ситуация была хорошо известна, среди прочего, полякам, которые несколько десятилетий назад присоединялись к общемировой гуманитарной науке и переживали представленный Милошем опыт. Несомненно, то же самое повторялось в случае других чужаков, пытающихся влиться в культурное и академическое пространство в его трехмерной форме.

Это глубоко дискомфортные ситуации, отмеченные утонченными формами символического насилия и исключения, которые по-прежнему требуют описания. Вне всякого сомнения, наступает определенного рода маргинализация, отказ в участии, отторжение, что внешне обусловлено «существенными недостатками», неспособностью высказываться в рамках действующих дискурсов и поэтик. Но поток людей «из Ясс и Коложвара» не иссякает и, в конце концов, вынуждает к изменениям в самой гуманитарной науке. Именно поэтому все более отчетливо вырисовывается потребность в транскультурной гуманитарной науке, пространстве дискурсов, лишенном механизмов исключения, где представители всех культур могли бы принимать участие на действительно равных правах. Для этого требуется создание настолько обширного и сложного пространства дискурсов, чтобы оно могло вместить всю культурную сложность мира, пространства, обогащенного новым измерением.

Четырехмерное глобальное пространство позволяет не только общаться всем со всеми, но и дает возможность традиционным культурам получить собственную теоретизацию. Как я полагаю (не исключая, тем не менее, возможность ошибки в этой материи), человек, существующий в том, чему мы даем рабочее название «одномерное пространство», переживает формы своей культуры как определенный опыт, не рефлексируя на тему этого опыта, не подвергая его релятивизации, не создавая теорий этого опыта. Для подобного рода рефлексии необходимо установить дополнительное измерение, являющееся надстройкой над опытом. Для борьбы с травмой также необходима надстройка следующего, нового пространства, в которой могло бы произойти Преодоление по Хайдеггеру и Ваттимо¹⁰, где травму можно было бы переболеть и пережить. В этом смысле постимперское Преодоление требует отдельного пространственного измерения. И должно появиться еще одно, следующее измерение, чтобы «перейти переход», выйти из постколониального состояния сознания в новое пространство, позволяющее полностью автономно, равноправно участвовать в ничем не отягощенных культурных взаимодействиях.

Транскультурные гуманитарные науки имеют, таким образом, признаки эмерджентного явления, т.е. такого, в котором из большого количества более простых взаимодействий возникает новый уровень сложности. Это новое качество нельзя свести к порядку, логике и природе явлений, наблюдающихся на более низком уровне. Появление нового уровня сложности порождает в тоже время новое измерение культурного пространства, имеющего уже не только метадискуссионный и метатеоретический, но и метакультурный

¹⁰ Я обращаюсь здесь к понятию, используемому Хайдеггером, но получившему новое определение в постсовременном контексте благодаря Джанни Ваттимо; ср.: Vattimo G.. *Verwindung: Nihilism and the Postmodern in Philosophy* // *SubStance*. 1987. № 2. S. 7–17.

характер. При попытке представить себе такое пространство возникают те же трудности, с которыми сталкивается среднестатистический человек, пытающийся представить бутылку Клейна в четырех измерениях, стенки которой переплетаются, но не пересекаются. В обычной реальности человек полностью погружен в культуру, максимум, что он может – представить себе переход в пределы иной, чужой культуры, возможность на мгновение взглянуть на дела сквозь призму чужих категорий. Однако «тотальная релятивизация», существование, хотя бы и мгновение, совершенно вне и выше культурных категорий представляется чем-то таким, что сложно вообразить и пережить. В обычных условиях такое внекультурное пространство не является данным человеку, который с начала своего индивидуального существования формируется и достигает «полноты человечности» не иначе как в определенном культурном контексте. Этот контекст может быть случайным или же представлять собой результат пересечения нескольких культурных укладов, но человек никогда не остается без культуры, в состоянии полной нейтральности. Никогда, кроме, возможно, самого момента прихода на свет, он не является «чистой картой» в культурном отношении. Но я исхожу из предположения, что человек располагает мыслительным потенциалом, достаточным чтобы сконструировать это абстрактное транскультурное измерение, ведь был же он в состоянии создать такое топологическое творение как бутылка Клейна, погруженная в четырехмерное пространство, и говорить о нем со смыслом, даже если это требует от него огромной мобилизации интеллектуальных ресурсов.

Проект транскультурных гуманитарных наук – это сложная задача, которую невозможно выполнить быстро и в полном объеме, но она вполне выполнима, если действовать по принципу небольших шажков. Это вызов, который должны принять все представители

пограничья, поскольку он освобождает их от дискомфортной роли милошевских «варваров», которые прибывают в «столицу мира», но в конечном итоге никогда не будут ею полностью приняты. Но это новое пространственное измерение нужно не только им. Также если смотреть с перспективы центра, отказ от дискурсивной гегемонии или монополии на создание теорий открывает новые пространства диалога, появление которых могло, в сущности, ожидать уже давно. Истинная универсальность, которую можно было бы противопоставить привлекательной, но иллюзорной всеобщности «прекрасных универсальных идей» из стихотворения Милоша, позволяет, однако, прежде всего, избежать лобового столкновения, которое привело бы к кровавому свержению «домашних обычаев». Дополнительное измерение означает больше места для гармонизации противоречий, для «непересечения стенок сосуда», если можно еще раз воспользоваться аналогией с бутылкой Клейна.

Следовательно, возникает двойная необходимость: не только теории, рассматривающей геометрию транскультурного пространства обмена, устанавливающей нейтральную почву под культурами, но и практики, разворачивающейся в этом специфическом пространстве и наполняющей ее реальным содержанием. А значит, возникают очередные вопросы: как это выглядит на практике, с помощью каких носителей происходит данный обмен? Существуют ли нейтральные языки и дискурсы, позволяющие всем, откуда бы они ни были, заявить о себе, или их только еще только нужно создать? Мне приходит на мысль множество уже реально существующих форм всеобщей культуры, но при их перечислении следует неизменно помнить, что они представляют собой лишь очередные промежуточные этапы, зачастую весьма несовершенные, недостижимого в чистом виде транскультурного состояния. Если я упоминала выше о важности английского языка

как инструмента, формирующего это специфическое пространство обмена, то под этим следует понимать доступное приближение универсально языка. То же самое касается реально существующих институтов, который представляют собой лишь этап на пути к транскультурным институтам. Важные зачатки этого можно найти в плюралистической сфере визуальной культуры. Рынок искусства и мировая выставочная система явно движутся в сторону открытого горизонта, находящего место для всех творений изобразительной мысли человека; понятие искусства стало настолько объемным, что существенно приблизилось к транскультурному определению. Насколько, однако, визуальность по своей природе кажется хорошей отправной точкой (то же самое можно было бы сказать о музыкальной культуре), настолько другие институты, внешне гораздо более устойчивые к подобного рода изменениям, также устремляются в данном направлении. Все большей плюрализации подвергается университет, поглощающий представителей пограничья. Например, Дэвид Дамрош отмечает существенность изменений литературоведческих парадигм, в чем-то вызванных появлением новых участников академического пространства: с одной стороны, усиленные миграции, с другой – общий рост этнического сознания ведет как минимум к живому интересу к гибридизации, креолизации или метисации¹¹. Следовательно, глобализационные перемены ведут к значительным смещениям в области научных интересов. То, что ранее не удостоивалось внимания традиционной филологии, сейчас находится в центре интересов, окраины приблизились к центру.

Можно говорить также о мировом пространстве теории и критики культуры. Роль новых средств глобальной коммуникации, акцентированная уже

¹¹ Damrosch D. What Is World Literature? Princeton – Oxford, 2003. P. 83–84.

Аппадурем¹², представляется здесь как очевидность, однако следует подчеркнуть существенный способ использования Интернета глобальным академическим сообществом. Всемирный энциклопедический проект (Википедия) уже стал повсеместно известной реальностью. Не меньшего внимания заслуживает редакторское движение под знаком «open humanities», предоставляющее доступ к самой свежей и глубокой гуманитарной рефлексии из любой точки мира и – что важно – бесплатно, наперекор экономическим барьерам и условностям. Однако, в противоположность многоязычной Википедии, для того, чтобы влиться в качестве активного участника, а значит полноправно заявить о себе в мире «open humanities», необходимо свободное владение английским языком. Тот, кто не сможет достичь языкового мастерства, «власти над языком», значение которой подчеркивал Саид¹³, по-прежнему обречен на маргинализацию, исключение из этого нового измерения. Поскольку это языковое мастерство является источником силы интеллектуала, которая позволяет ему представлять замалчиваемые вопросы или точки зрения. Вопрос языка имеет ключевое значение, пренебрежение им может привести к утрате шансов, связанных с появлением нового измерения, и оставить в стороне от происходящих в нем взаимодействий.

Поэтому очевидно, что существующее состояние транскультурных гуманитарных наук по-прежнему полно практически непреодолимых препятствий. Бесплатные теоретические тексты, которые можно скачать из интернета, не обеспечивают автоматического вхождения в сферу мировых гуманитарных наук, по-прежнему сохраняется исключение, основанное на недоступности их герметичных дискурсов, которые все так же далеки

¹² Ср.: Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis – London, 1996.

¹³ Ср.: Said E. *Representations of the Intellectual*. London, 1996.

от состояния плюрализации, когда можно было бы говорить о полной прозрачности и функциональности с точки зрения разных культур. Люди пограничья, также как и раньше, могут ощущать трудности с тем, чтобы вчитаться в них, невозможность заявить о себе в их пределах. Предпринимаются попытки сделать гуманитарные науки более доступными, создать «более интуитивные», более простые в усвоении теории, например, под знаком «нового анимизма». Однако эти попытки предложить «короткий путь» по-прежнему пропитаны протекционизмом, хотя и полным доброй воли духом «гуманитарных наук для Пятницы», исходя из предположения, что определенная часть человечества не в состоянии и никогда не будет в состоянии вести академическую дискуссию со всей ее сложностью и утонченностью. Поэтому предпринимаются попытки создать для них какой-то заменитель, предлагая смену ролей «миссионеров» и «новообращенных». Это представители традиционных культур должны были бы сейчас стать «учителями» для западного мира. Но это всего лишь закрепление старой игры в новой версии. Следует остерегаться «специальных предложений» гуманитарных наук, созданных культурными метрополиями для того, чтобы люди, которые до этого были обречены на маргинализацию, могли в их рамках «заявить о себе как теоретики культуры», не нарушая при этом основ прежнего порядка. Тогда как аутентичное транскультурное гуманитарное знание должно быть противоположностью гуманитарного знания, отвечающего на какие-либо культурные либо локальные нужды. Поскольку оно описывает более высокий по сравнению с существующим ранее уровнем сложности, нет смысла рассчитывать на то, что когда-нибудь оно будет проще и легче для усвоения чем «гуманитарное знание трех измерений».

Поэтому следует остерегаться легких путей и искушения стать на путь «миссионерства» или «представитель-

ства», который беспрестанно появляется в западном отношении к миру. Место в мировом транскультурном гуманитарном знании не может быть никому отведено или определено заранее, невзирая на то, что это было бы выражением благих намерений. Любые, даже самые щедрые дары, раздаваемые мировыми культурными гегемонами, свидетельствуют лишь о том, что они застряли в более низком измерении. Возможно, прежние гегемоны так и останутся в нем, а глобальный культурный обмен пройдет мимо них (не было ли бы это своеобразной формой исторической справедливости?). Так или иначе, за участие в новых явлениях следует бороться самостоятельно, а включение в новый порядок базировать не на надеждах или упрощениях, а на собственном, тяжком труде. Это в равной мере касается Польши, Парижа, Сибири. Как предчувствовал Милош, нет уже больше улицы Декарта и нет оппозиции между «домашними обычаями» людей «из Ясс и Коложвара» и «прекрасными универсальными идеями», поскольку именно многообразие «домашних обычаев» стало в настоящее время единственным ключом доступа ко всему настоящему и универсальному.